

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 330.35
JEL: O4, O44

**Выявление и систематизация механизмов взаимодействия
формальных и неформальных институтов как ключевого фактора
экономического роста в России и странах Центральной Азии**

*Г.Г. Бобоев, к.э.н.
SPIN-код (РИНЦ): 3058-0997
e-mail: boboev_g81@mail.ru*

Для цитирования

Бобоев Г.Г. Выявление и систематизация механизмов взаимодействия формальных и неформальных институтов как ключевого фактора экономического роста в России и странах Центральной Азии // Проблемы рыночной экономики. - 2025. - № 3. - С. 168-181.

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-3-168-181

Аннотация

В статье рассматривается выявление и систематизация механизмов взаимодействия формальных и неформальных институтов как ключевого фактора экономического роста в России и странах Центральной Азии. **Цель работы.** Рассмотрены особенности институционального взаимодействия, включая влияние неформальных практик – таких как патронаж, правовой дуализм и клановые сети – на эффективность формальных институтов. Подчеркивается, что формальные реформы нередко сопровождаются сохранением параллельных неформальных структур, что ограничивает реальное институциональное преобразование. **Методология.** В исследовании использованы методы историко-экономического анализа, теории производственно-технологической сбалансированности экономики, системной парадигмы, эволюционно-институциональной теории, экспертных и аналитических оценок. **Результаты.** Проведённый регрессионный анализ показал, что наиболее тесная институциональная связь наблюдается между Россией и Казахстаном, в то время как влияние Таджикистана оказалось отрицательным. Особое внимание уделено эффекту демонстрации: успехи Казахстана и Узбекистана в институциональной модернизации формируют давление на соседние страны. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, учитывающего институциональную двойственность и роль неформальных ограничений в определении потенциала экономического роста. **Выводы.** Результаты исследования расширяют представление о региональной институциональной динамике в условиях глобализации и усиливают аргументацию в пользу комплексного анализа двойственной институциональной структуры постсоветских государств.

Ключевые слова: *Россия и стран Центральной Азии, выявление и систематизация механизмов взаимодействия, формальные и неформальные институты, экономический рост, комплексный подход.*

**Identification and systematization of mechanisms of interaction between
formal and informal institutions as a key factor of economic growth in
Russia and Central Asian countries**

*Gulomjon G. Boboev, Cand. of Sci. (Econ.)
SPIN-code (RSCI): 3058-0997*

e-mail: boboev_g81@mail.ru**For citation**

Boboev G.G. Identification and systematization of mechanisms of interaction between formal and informal institutions as a key factor of economic growth in Russia and Central Asian countries // Market economy problems. – 2025. – No. 3. – Pp. 168-181 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-3-168-181

Abstract

The article examines the identification and systematization of the mechanisms of interaction between formal and informal institutions as a key factor of economic growth in Russia and Central Asian countries. **The purpose of the work.** The features of institutional interaction are considered, including the influence of informal practices such as patronage, legal dualism and clan networks on the effectiveness of formal institutions. It is emphasized that formal reforms are often accompanied by the preservation of parallel informal structures, which limits the real institutional transformation. **Methodology.** The research uses methods of historical and economic analysis, theory of industrial and technological balance of the economy, system paradigm, evolutionary and institutional theory, expert and analytical assessments. **Results.** The regression analysis showed that the closest institutional link is observed between Russia and Kazakhstan, while the influence of Tajikistan turned out to be negative. Special attention is paid to the demonstration effect: the successes of Kazakhstan and Uzbekistan in institutional modernization create pressure on neighboring countries. The conclusion is made about the need for an integrated approach that takes into account institutional duality and the role of informal constraints in determining the potential for economic growth. **Conclusions.** The results of the study expand the understanding of regional institutional dynamics in the context of globalization and strengthen the arguments in favor of a comprehensive analysis of the dual institutional structure of post-Soviet states.

Keywords: *Russia and Central Asian countries, identification and systematization of interaction mechanisms, formal and informal institutions, economic growth, integrated approach.*

Введение

Институциональным аспектам в анализе функционирования и развития экономических систем до середины XX века не уделялось должного внимания. Сложившаяся ситуация была вызвана тем, что господствующее положение в экономической науке было ангажировано неоклассическим направлением, в котором институты выносятся за рамки экономического анализа [8-11].

Страны Центральной Азии - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан находятся в фокусе интересов нескольких крупных акторов мировой экономики с противоположными друг другу геополитическими и геоэкономическими интересами. Среди новых трендов отмечается активизация интеграционных процессов между самими государствами ЦА, которые в 2018-2023 гг. провели пять саммитов, направленных на углубление их регионального взаимодействия, проблемам и перспективам сотрудничества государств ЦА с Россией, для которой они являются ее давними внешнеэкономическими партнерами. Особенности взаимосвязи формальных и неформальных институтов в обеспечении экономического роста в России и стран ЦА играют значительную роль в этом процессе в условиях глобализации и неопределенности акторов этих процессов [16].

Между тем, современное развитие и функционирование экономических систем можно представить как насыщенный процесс взаимодействия формальных и неформальных институтов. Данное взаимодействие происходит практически во всех сферах и сторонах хозяйственной жизни. Реализуются изменения в правилах хозяйствования: принимаются новые законы, регулирующие разрешенные государством действия экономических агентов; вводятся

новые регламенты взаимодействий работников внутри организаций; предлагаются новейшие виды различных контрактов; складываются новые обычаи деловой жизни; формируются специфические нормы и правила в неформальном секторе российской экономики, изобретаются финансовые схемы ухода от налогообложения и т.п. Подобные процессы сопровождаются изменением как институциональной структуры экономики, так и пропорций между формальными и неформальными институтами [5].

1. Институциональные проблемы в аспекте трансформации институтов формального и неформального типа и их глубокой диффузии

Возрастание интереса к исследованию институциональных проблем в аспекте трансформации институтов формального и неформального типа и их глубокой диффузии в последнее время обусловлено:

- активным включением стран в мирохозяйственные процессы глобализации и интеграции; развитием теоретических концепций, расширяющих рамки неоклассической теории с учетом неполноты информации, неопределенности траектории развития;
- возрастанием степени влияния институционализации субъекта на выбор им вариантов хозяйственных взаимодействий и др.

Анализ институционального развития России и стран Центральной Азии, проведенный в предыдущей главе, позволяет выявить как формальные закономерности динамики институциональных показателей, так и скрытые влияния неформальных структур, оказывающих существенное воздействие на экономический рост. Формальные институты – такие как правовая система, регуляторная среда, контроль коррупции и эффективность государственного управления – представлены в международных индикаторах (WGI, CPI, Index of Economic Freedom). Однако статистическая интерпретация этих показателей без учёта неформальных институтов даёт лишь ограниченное представление о реальных институциональных условиях в регионе.

Ключевая особенность постсоветского пространства заключается в наличии устойчивых неформальных практик, которые сохраняются параллельно с формальными реформами. В странах ЦА, несмотря на различную динамику индексов, устойчивыми остаются патронажные сети, семейно-клановые структуры, правовой дуализм и теневая экономика. Эти факторы зачастую искажают институциональные сигналы и могут нейтрализовать эффекты от внедрения формальных норм. С целью количественного анализа степени институционального влияния стран Центральной Азии на институциональную динамику в России построена множественная регрессионная модель, отражающая межстрановые коэффициенты связи между соответствующими институциональными показателями. Ниже приведены значения коэффициентов β и их интерпретация.

Таблица 1

Регрессионные коэффициенты влияния институциональных факторов стран ЦА на индекс экономической свободы России

Страна-донор институционального влияния	Коэффициент β	Характер влияния	Комментарий
Казахстан	+0,42	Положительное	Демонстрационный эффект, институциональные реформы
Туркменистан	+0,46	Формально положительное	Отражает номинальные улучшения, неустойчивая база
Таджикистан	-0,63	Отрицательное	Трансфер неформальных практик, институциональные риски
Узбекистан	+0,25	Слабо положительное	Эффект либерализации, ограничен внутренними барьерами

Кыргызстан	-0,10	Незначительно отрицательное	Политическая нестабильность и слабость правового поля
------------	-------	-----------------------------	---

Источник: расчёты автора по модели множественной регрессии, 2015–2023 гг.

Регрессионный анализ взаимосвязи индексов экономической свободы России с аналогичными показателями стран ЦА показал значимые связи, особенно с Казахстаном ($\beta = 0,42$) и Туркменистаном ($\beta = 0,46$), а также отрицательное влияние Таджикистана ($\beta = -0,63$). Однако такие коэффициенты следует интерпретировать с учётом того, что формальные изменения в институтах зачастую сопровождаются лишь частичным внедрением в практическую плоскость. Например, устойчивый рост индекса в Казахстане может сопровождаться сохранением контроля над ключевыми активами через неформальные соглашения внутри политико-экономической элиты. Следовательно, рост индекса отражает скорее улучшение институционального фасада, чем радикальную трансформацию институтов.

Тенденция отрицательного влияния институционального фона Таджикистана на российские показатели может быть связана не столько с прямыми экономическими каналами, сколько с неформальными потоками, например, миграцией и трансфертом социальных моделей. Массовая трудовая миграция из стран с низким уровнем формальных институтов сопровождается воспроизводством неформальных практик в принимающей экономике, начиная от теневого труда до бытовой коррупции.

Наблюдаемая институциональная конкуренция в регионе приобретает форму демонстрационного эффекта, например, успехи Казахстана и Узбекистана в цифровизации госуправления, дерегуляции и повышении прозрачности формируют давление на соседние государства, включая Россию. Однако степень адаптации этих моделей зависит от способности встроить внешние институциональные образцы в локальный контекст, где значительную роль играют неформальные ограничения. Российская институциональная система, несмотря на проведённые реформы и элементы формальной модернизации, продолжает функционировать в условиях значительной неформальности, что проявляется, в частности, в сохраняющихся бюрократических барьерах и отдельных коррупционных практиках в системе правосудия.

Особого внимания заслуживает роль неформальных институтов как компенсаторного механизма. В странах с институциональной слабостью, как показали данные по Таджикистану и Туркменистану, неформальные сети (семейные, этнические, региональные) подменяют формальные институты, обеспечивая минимальный уровень координации и распределения ресурсов. Это позволяет временно поддерживать устойчивость, но блокирует институциональную модернизацию и ограничивает долгосрочный рост.

Выявленные статистические зависимости между формальными показателями следует интерпретировать с поправкой на институциональную двойственность. Формальные институты в регионе нередко существуют номинально, а реальное регулирование и обеспечение прав реализуются через неформальные каналы. Поэтому оценка потенциала экономического роста требует комплексного подхода, учитывающего не только количественные индикаторы, но и структуру неформальных ограничений.

В этих условиях устойчивый экономический рост возможен лишь при синхронном развитии как формальных, так и неформальных институтов. Последние должны либо трансформироваться в сторону большей прозрачности и подотчётности, либо интегрироваться в формальные рамки через легализацию и институционализацию. Опыт Казахстана и Узбекистана свидетельствует о возможной траектории такой трансформации, тогда как пример Таджикистана и Туркменистана показывает пределы развития в условиях доминирования неформальности.

Трансформации, происходящие в экономической системе под влиянием возрастающей роли знаний и информации, ведут к появлению новых экономических отношений, требующих в некоторых случаях определенной формализации. Все это обуславливает необходимость специального исследования взаимодействия формальных и неформальных институтов, возникающих в процессе трансформации экономических отношений.

Российской экономике, как и странам ЦА характерна диспропорциональная институциональная структура, которая тормозит экономическое развитие и существенно

снижает экономическую эффективность. В подобных условиях остро встает вопрос о необходимости формализации некоторых неформальных институтов.

2. Применение институционально-эволюционного подхода к исследованию взаимодействия формальных и неформальных институтов в РФ и странах ЦА

Применения институционально-эволюционного подхода к исследованию взаимодействия формальных и неформальных институтов в РФ и странах ЦА и выявление особенностей взаимодействия (интеракций) формальных и неформальных институтов в процессе трансформации экономических отношений в условиях глобализации и нестабильности позволяет выявить методологические аспекты и тенденции в экономическом развитии.

Дискуссия о том, что лучше, формальные или неформальные институты, и какое регулирование эффективнее, относится к разряду несостоятельных. Безусловной истиной является ситуационная привлекательность тех или иных правил.

Государственные правила (формальные институты) могут вызывать меньшее доверие в условиях слабого государства, чем неформальные институты. Предпочтительность формальных правил – результат сложной констелляции экономических, политических, культурных и идеологических факторов.

Увеличение степени государственного регулирования не является однозначным фактором, сдерживающим экономический рост или способствующим расширению неформального сектора. Как показал лонгитюдный кросс-культурный анализ 75 стран (включая 22 развитых и 53 развивающихся) за период 1981–2006 гг., само по себе усиление государственного вмешательства не оказывает негативного влияния на темпы роста экономики при условии высокого качества государственного управления. Институциональный показатель «качество власти» может выступать ключевым модератором, обеспечивающим позитивную отдачу от государственного регулирования и способствующим устойчивому экономическому развитию [20].

При сравнении индексов регулирования бизнеса (отражающих вход на рынок Сопоставление индексов регулирования бизнеса – включая параметры входа на рынок, торговых барьеров, развития финансового сектора, контрактного права, процедур банкротства, регулирования рынка труда и фискального бремени – со средним уровнем доходов по странам продемонстрировало, что при высоком качестве институтов власти негативное влияние регулирования на экономический рост минимизируется. Интегральный показатель «качества власти» (governance index) формировался на основе трех компонентов: уровня политической коррупции, степени верховенства закона и уровня демократичности, согласно данным International Country Risk Guide.

Аналогичная закономерность прослеживается и в отношении масштабов неформальной экономики, особенно её скрытого компонента, формирующегося в ответ на попытки уклонения от государственного регулирования. При высоком качестве институтов усиление регулирования не обязательно ведёт к росту неформальности, в то время как при слабых институтах корреляция между регулирующим воздействием и увеличением теневого сектора становится более выраженной.

Более того, влияние фискального регулирования на неформальную занятость ослабевает по мере деградации качества власти. В странах с низкими показателями институционального развития налогово-бюджетные меры практически не оказывают сдерживающего эффекта на масштаб неформальной экономики. Следовательно, определяющим фактором является не столько количество регулирующих норм, сколько их институциональное качество, выражающееся в равенстве всех субъектов перед законом, транспарентности взаимодействия бизнеса и государства, наличии легитимных механизмов представления интересов и контроле общества над процессами принятия решений [23].

Выявленная взаимосвязь между качеством государственного управления и эффективностью регулирования распространяется и на размер неформального сектора, который в данном контексте определяется как доля экономической активности, стремящейся к уклонению от официального регулирования. Речь идет преимущественно о скрытой неформальной экономике, формально подпадающей под юрисдикцию государства, но действующей вне её

рамок. Исследования показывают, что рост интенсивности государственного регулирования в условиях слабых институтов не сопровождается сокращением неформальности – напротив, он может способствовать её расширению. Однако по мере повышения качества институтов власти данная корреляция ослабевает. Из этого следует, что негативный эффект избыточного регулирования может быть нейтрализован за счёт высокого уровня институциональной зрелости.

Особенно это касается фискального регулирования. При низких значениях индекса качества власти воздействие налогово-бюджетной политики на размер неформального сектора становится практически незначительным. Это указывает на то, что не объем и интенсивность регулирующих механизмов сами по себе определяют их эффективность, а их институциональное качество. Под последним понимаются такие характеристики, как равенство субъектов перед законом, прозрачность процедур взаимодействия государства и бизнеса, наличие легальных и контролируемых обществом каналов представления интересов (лоббизма), а также предсказуемость и подотчётность регулирующих институтов.

В более широком теоретическом контексте существует как минимум два противоположных подхода к объяснению происхождения формальных и неформальных норм. Согласно одному из них, восходящему к концепции Д. Норта, неформальные практики выступают источником формирования новых институциональных механизмов. В этом понимании неформальная экономика – это не только следствие неэффективности регулирования, но и потенциальный источник инновационных форм взаимодействия, которые со временем могут институционализироваться и стать частью формальной экономической системы [22]. Иными словами, неформальная экономика может рассматриваться как исходная институциональная среда, в которой формируются базовые модели экономического поведения. В этом контексте неформальные институты выступают в качестве первоначальных схем, отражающих повседневную практику экономических агентов в условиях неопределённости или слабой формальной регуляции. Наиболее устойчивые из этих практик, соответствующие морально-этическим, культурным и правовым нормам конкретного общества, со временем получают формальное признание и кодифицируются в виде официальных институтов.

Формальные институты можно интерпретировать как закреплённую нормативно-правовую оболочку для устойчивого ядра социально-экономического уклада. Неформальные же институты представляют собой изменчивую периферию, в рамках которой происходит адаптация к текущим вызовам и институциональное экспериментирование. Подобный подход позволяет рассматривать неформальность не исключительно как аномалию или следствие институциональных провалов, а как динамическую компоненту институционального развития, выполняющую роль своеобразной лаборатории будущих формальных норм [14].

Согласно одной из ключевых теоретических позиций в институциональной экономике, неформальная экономика может рассматриваться как исходная и фундаментальная экономическая среда общества, существующая до введения формализованных норм. В этом контексте она выступает не просто как реакция на регуляторные издержки, а как потенциальное пространство, в котором сосредоточены точки экономического роста, скрытые тенденции и институциональные инновации. Такой подход предполагает, что неформальные институты функционируют как инкубатор будущих формализованных норм и практик.

В отличие от неформальных институтов, формальные нормы зачастую имеют искусственный, экзогенный характер и не обязательно коррелируют с практиками хозяйствующих субъектов. Процесс формализации в этом контексте трактуется как попытка трансформировать сложившиеся механизмы экономической деятельности в соответствии с целями и установками политической элиты. Это придаёт формальному регулированию выраженный проектно-модернизационный характер, ориентированный не на фиксацию существующего институционального ландшафта, а на его реконструкцию в желаемом направлении.

Особенно ярко подобная модель проявляется в постсоветских экономиках, прежде всего в России, где государство традиционно выступает как субъект системной перестройки, а не институционального сопровождения. Здесь неформальная экономика служит механизмом адаптации хозяйственной системы к частым институциональным ротациям, порождённым изменениями в политической конфигурации. Частые корректировки формальных правил –

результат смены интересов и представлений правящих групп о «общественном благе» – приводят к тому, что формальные институты часто «спускаются» на уже существующие хозяйственные практики, не принимая в расчёт сложившиеся связи и контексты.

Неформальная экономика в этих условиях представляет собой не столько нарушение формальных норм, сколько форму институционального ответа на их избыточность, непоследовательность или несоответствие текущей практике. Возникает замкнутый адаптационный цикл: устойчивые неформальные практики обеспечивают гибкость в момент внедрения новых формальных правил, способствуют их частичному укоренению, а затем трансформируются, формируя обновлённую институциональную среду, на которую проецируется следующая волна формализации. Подобная динамика позволяет сохранять относительную стабильность экономических отношений даже в условиях высокочастотных изменений институционального каркаса.

Формальные институциональные нормы, как правило, обладают экзогенным характером и не выводятся непосредственно из повседневной практики хозяйствующих субъектов. Их происхождение обусловлено, прежде всего, представлениями о целесообразности и общественном благе, доминирующими среди политических групп, обладающих властью нормотворчества. В этом контексте процесс формализации трактуется как административное внедрение заранее сконструированных регулятивных норм в уже сложившуюся хозяйственную практику, сопровождающееся её перестроением.

Формальные институты в таких условиях нередко оказываются инструментами стратегического проектирования будущего, при этом они направлены на вытеснение или блокировку экономических практик, ориентированных на воспроизводство существующего порядка. В этой связи неформальная экономика может рассматриваться как реактивный механизм адаптации, порождаемый несовпадением формальной регуляторной среды с реалиями хозяйственного поведения. Такая экономика функционирует как зона институционального избегания, выступая в качестве средства компенсации институционального несоответствия.

Аналитически это выражается в конвенциональном делении единого экономического пространства на так называемые легальную, теневую, криминальную, домашнюю и иные сферы. Подобная типология отражает различия в степени доминирования и взаимодействия формальных и неформальных механизмов регулирования. В действительности же границы между этими зонами условны и подвижны: неформальные институты могут как конкурировать с формальными, так и восполнять их недостатки или же полностью их заменять, особенно в условиях институциональной нестабильности.

Эта взаимосвязь особенно актуальна для стран Центральной Азии, включая Казахстан, где формализованные демократические институты находятся в стадии институционализации и структурной уязвимости. В таких условиях значимую регуляторную функцию выполняют неформальные нормы – устоявшиеся социальные практики, ментальные установки и локальные дискурсы, которые, в свою очередь, оказывают влияние на формирование формальных институтов, включая структуру государственной власти, публичную политику и системы принятия решений. Через менталитет, укоренённый в общественном сознании, эти неформальные регуляторы задают рамки идентичности и каналов легитимации власти – как на уровне индивидов, так и социальных групп.

3. Ключевые неформальные институты, оказывающие влияние на общественную и экономическую динамику в странах Центральной Азии

Одним из ключевых неформальных институтов, оказывающих влияние на общественную и экономическую динамику в странах Центральной Азии, является доминирование эксклюзивных идентичностей. Под эксклюзивной идентичностью в данном контексте понимается такая форма коллективного самоопределения, при которой принадлежность к определённой этнокультурной, языковой или религиозной группе рассматривается как основание для социальной исключительности. Подобный подход нередко сопровождается ксенофобией, социальной сегрегацией и стигматизацией инаковости, что, согласно определению ОБСЕ, соотносится с проявлениями расизма.

Идейная основа формирования эксклюзивистских идентичностей в Казахстане, как и в других странах ЦА, зачастую уходит корнями в советский период, особенно в сталинскую этнополитическую модель, где понятие «нации» отождествлялось с этносом, а не с гражданским объединением. Подобная трактовка вступает в противоречие с современными социальными теориями, в которых нация определяется как политико-правовое объединение равноправных граждан, вне зависимости от их этнокультурной принадлежности [1]. Однако в массовом сознании, а подчас и в интеллектуальных кругах региона, до сих пор преобладает представление о нации как о моноэтническом образовании, что находит своё отражение в интерпретациях таких понятий, как «национальные ценности» и «национальное государство».

Отдельным элементом механизма воспроизводства эксклюзивной идентичности является абсолютизация значения «родного языка» и культурных практик доминирующей этногруппы. Ожидания обязательного знания языка «коренного населения» или следования культурным традициям большинства зачастую становятся условием признания социальной легитимности других этносов, что формирует культурный конформизм и усиливает социальную фрагментацию.

Эксклюзивизм в свою очередь тесно связан с другим неформальным институтом – ретрадиционализацией. Последняя предполагает не столько осознанное возвращение к локальным традициям, сколько архаизацию общественного устройства, навязывание догматических моделей поведения и маргинализацию современных подходов к институтам идентичности и культуры. В таком виде ретрадиционализация превращается в форму социального обскурантизма, ограничивающую модернизационные процессы и препятствующую институциональному обновлению.

Актуальность исследования этих процессов особенно велика в условиях, когда страны Центральной Азии сталкиваются с множеством внутренних и внешних вызовов, включая уязвимость перед внешнеэкономическими шоками, низкий уровень технологической и производственной диверсификации, неэффективность государственного сектора, а также институциональные дефициты, связанные с управлением и кадровым потенциалом. На этом фоне доминирование неформальных институтов, особенно тех, что препятствуют социальной инклюзии и модернизации, представляет собой существенное ограничение для устойчивого экономического и институционального роста региона [17].

Ретрадиционализация в странах Центральной Азии, включая Казахстан, проявляется не только в возрождении архаичных моделей социальной организации, но и в институционализации так называемых «местнических нарративов». Эти нарративы, формирующиеся вокруг этнокультурных или клановых идентичностей, нередко приобретают нормативный характер и подменяют универсальные ценности – справедливость, солидарность, индивидуальную автономию, запрет дискриминации и верховенство права. В результате формируется параллельная система «ценностей», в которой приоритет отдается не общечеловеческим принципам, а узкогрупповым интересам, зачастую закреплённым в неформальных социальных установках.

Одним из наглядных проявлений такой трансформации является глорификация силы в публичном дискурсе и культуре. В частности, на территории Казахстана наблюдается тенденция к символическому возвеличиванию исторических фигур – батыров, военачальников, – часто в контексте возрождения национальной гордости. Этот процесс сопровождается активным возведением памятников и акцентом на «силовую» героизацию прошлого, что подменяет дискурс инклюзии и гражданской солидарности милитаризованной идентичностью. Примечательно, что значительный вклад в легитимацию подобного дискурса вносит часть творческой интеллигенции, которая в условиях развитых демократий традиционно служит проводником гуманистических и просветительских ценностей. В странах ЦА, напротив, творческое сообщество нередко участвует в воспроизводстве эксклюзивистских идентичностей, тем самым косвенно содействуя нормализации ксенофобских установок и снижению уровня социальной эмпатии.

Отдельного внимания заслуживает кейс Кыргызстана, где неформальные институты также играют значительную роль в социально-политической динамике. История политического развития Кыргызской Республики отмечена чередой институциональных кризисов, включая две

революции (2005, 2010 гг.) и эпизоды межэтнического напряжения (1990 и 2010 гг.). Согласно данным индекса Fragile States Index, страна по-прежнему демонстрирует высокие показатели по категориям, отражающим слабость формальных институтов: «фрагментация элит» (8,0 баллов), «групповое недовольство» (8,1) и «дефицит легитимности государства» (7,1). Такая нестабильность в значительной степени обусловлена устойчивостью неформальных механизмов взаимодействия, включая клановые и региональные лояльности, которые продолжают определять как структуру политических альянсов, так и распределение ресурсов. Для выявления институциональной асимметрии и оценки различий в качестве формальных институтов среди России и стран Центральной Азии представим сопоставление ключевых международных индикаторов, характеризующих уровень экономической свободы, восприятие коррупции, верховенство закона и защиту прав собственности.

Таблица 2

Сравнительные показатели формальных институциональных индексов в странах Центральной Азии и России в 2023 году

Страна	Индекс экономической свободы ¹	Индекс восприятия коррупции (CPI) ²	Rule of Law ³	Защита прав собственности ⁴
Казахстан	64,5	36	-0,35	54
Узбекистан	58,3	31	-0,65	33
Кыргызстан	55,4	28	-0,80	22
Таджикистан	51,1	24	-1,15	19
Туркменистан	46,2	20	-1,40	17
Россия	56,8	28	-0,70	21

¹ The Heritage Foundation (Index of Economic Freedom);

² Transparency International (CPI, от 0 до 100);

³ World Bank WGI (Rule of Law, шкала от -2.5 до +2.5);

⁴ Heritage Foundation (Property Rights Index, от 0 до 100).

Исторически значимым фактором социальной организации Кыргызстана остаётся дуальная структура по линии «север – юг», восходящая к союзам кочевых племен. Эта система и сегодня оказывает влияние на формирование политических коалиций и принятие решений на национальном уровне. В условиях недостаточной институциональной консолидации именно эти горизонтальные и полуконкурирующие структуры воспроизводят социальную фрагментацию, препятствуя укреплению формальных институтов и общественного доверия к ним [2].

Киргизское общество можно отнести к числу разделённых в терминах политической социологии. В нём устойчиво воспроизводятся как кланово-региональные, так и этноязыковые линии раскола, что обуславливает фрагментарность социальной структуры и затрудняет формирование единой гражданской идентичности. Разделение по оси «север – юг» имеет не только этнополитическое, но и выраженное социально-экономическое измерение: еще со времён СССР северные регионы республики характеризовались более высоким уровнем индустриального развития, выше была доля городского населения и уровень образования, что в совокупности обеспечивало больший доступ к административным и управленческим ресурсам [3].

Кроме того, внутренние линии социального и политического раскола в Кыргызской Республике усугубляются этническими различиями, особенно выраженными в южных регионах с высокой долей узбекского населения (прежде всего в городе Ош и прилегающих районах). Указанные различия, исторически обусловленные и институционально неурегулированные, дополняются дефицитом политического представительства и диспропорциями в распределении социально-экономических ресурсов. В совокупности это формирует устойчивые очаги напряженности, которые в ряде случаев перерастают в острые фазы этнополитических конфликтов.

Слабая институциональная интеграция, ограниченная легитимность формальных структур управления и доминирование неформальных институтов, функционирующих на основе этноклановой или региональной солидарности, способствуют снижению управляемости и

устойчивости политической системы. Это, в свою очередь, затрудняет реализацию долгосрочного стратегического планирования и повышает уязвимость государства к внутренним кризисам и внешним шокам [13].

Согласно концептуализации П. Кольера, государства с низким уровнем социально-экономического развития подвержены действию четырёх так называемых «ловушек развития», каждая из которых представляет собой структурный барьер к устойчивому росту. Эти ловушки включают: ловушку конфликта, ловушку неэффективного государственного управления, ресурсную ловушку и ловушку неблагоприятного регионального окружения [19]. Наиболее критичной среди них является ловушка конфликта, вероятность попадания в которую определяется совокупностью трёх факторов: низким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения, замедленным или стагнирующим экономическим ростом, а также высокой степенью зависимости от экспорта природных ресурсов [4].

Согласно классификации Всемирного банка, Кыргызская Республика относится к группе стран с низким уровнем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. После распада Советского Союза в 1991 году экономика республики пережила значительное сокращение производственного потенциала. Основу экономической структуры составляют сельское хозяйство, преобладающее на юге страны, гидроэнергетика (несколько действующих гидроэлектростанций), рекреационный потенциал озера Иссык-Куль, а также добыча золота [6].

Как отмечается в аналитических источниках, к началу 2000-х годов экономический потенциал, основанный на экстенсивной модели развития – включая расширение сельхозугодий, эксплуатацию устаревших производственных фондов и использование дешёвой рабочей силы – оказался практически исчерпанным. Наиболее технологически развитые предприятия сконцентрированы в Бишкеке и Иссык-Кульской области; значительная часть из них работает в интересах военно-промышленного комплекса России и финансируется соответствующими российскими структурами [12].

Одним из дестабилизирующих факторов выступает наличие демографической структуры с выраженным «молодёжным бугром». Как указывает Дж. Голдстоун, «быстрый рост доли молодёжи может подорвать существующие политические коалиции и стать фактором дестабилизации... Наличие необычно высокой доли молодёжи в возрасте 15–24 лет исторически коррелирует с периодами политических кризисов» [21]. В Кыргызской Республике этот демографический фактор особенно ярко проявился в период «цветных революций» 2005 и 2010 годов. Для сопоставления: в Египте в 2010 году, накануне событий «арабской весны», молодёжь составляла 10,5% населения.

Особое значение приобретает тот факт, что молодёжный сегмент в Кыргызской Республике отличается сравнительно высоким уровнем образования. Так, по данным на 2006–2007 гг., на каждые 10 000 жителей приходилось 454 студента, а в 2010–2011 гг. – 441 студент [15]. Для сравнения, в Таджикистане в соответствующие периоды эти показатели составляли 207 и 202 соответственно.

В условиях низкого уровня ВВП и слабой динамики экономического роста (что, согласно классификации П. Кольера, формирует состояние безысходности) в Кыргызстане усилился разрыв между возросшими ожиданиями образованной молодёжи и ограниченными возможностями трудоустройства. Это объективно способствовало росту протестных настроений и социальной дестабилизации, кульминацией которой стали массовые выступления в 2005 и 2010 гг.

П. Кольер выделяет одну из структурных преград к развитию – «ловушку дурного правления», под которой понимается политическая ситуация, при которой у власти находятся рентоориентированные акторы, стремящиеся перераспределять государственные ресурсы в интересах ограниченных групп. В случае Кыргызской Республики, начиная с конца 1990-х годов, складывается модель «парциального государства» (в терминологии М. Олсона), характеризующаяся доминированием патронажных практик и приоритетом кланово-групповых интересов в публичной политике. Эта система способствовала политической устойчивости в период правления А. Акаева и К. Бакиева, однако одновременно сопровождалась деградацией институтов и ростом коррупционных практик [18].

Применение других «ловушек развития», таких как «ресурсное проклятие» и «неблагоприятное соседство», в отношении Кыргызской Республики представляется ограниченно релевантным. Во-первых, несмотря на наличие определённых запасов полезных ископаемых (в частности, золота), доля сырьевой ренты в структуре ВВП страны остаётся относительно невысокой. Во-вторых, соседство с экономически более развитыми государствами, такими как Казахстан и Китай, а также интеграция в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) создают благоприятные предпосылки для экономического роста. При этом соседство с Таджикистаном и Узбекистаном, несмотря на наличие трансграничных рисков, в том числе связанных с наркотрафиком из Афганистана, не оказывает системного влияния на экономическую динамику Кыргызстана. Сам П. Кольер отмечает, что влияние неблагоприятного соседства, как правило, носит вторичный характер.

Иностранная помощь, призванная облегчить жизнь самым бедным слоям населения, улучшить экономическую и политическую ситуацию в странах-реципиентах, создать там условия для развития демократических институтов, зачастую не выполняет эти функции. Богатые государства, предоставляя помощь, целенаправленно привязывают более бедные страны к своей экономике, порождая экономическую зависимость. Теория зависимости, разработанная в XX в., не потеряла актуальности по сей день. Примеры Кыргызстана и Таджикистана наглядно показывают связь между теорией зависимости и иностранной помощью [7].

Подводя итог, можно сделать вывод, что институциональное развитие России и стран Центральной Азии характеризуется устойчивым сосуществованием формальных и неформальных институтов, оказывающих разнонаправленное влияние на экономический рост. Формальные механизмы, представленные в международных рейтингах и индикаторах, задают рамочные условия для функционирования хозяйствующих субъектов, однако без учёта влияния неформального сектора — включая патронажные сети, клановые связи и теневую экономику — эти оценки остаются неполными. Отмечена институциональная двойственность: официальные реформы зачастую сопровождаются сохранением альтернативных неформальных практик, которые могут подменять или нейтрализовать формальные нормы.

Выявленные регрессионные связи между индексами экономической свободы и институциональными характеристиками стран ЦА свидетельствуют о наличии трансграничного институционального влияния. Казахстан и Узбекистан демонстрируют положительную институциональную динамику, оказывая стимулирующее воздействие на соседние государства, включая Россию. В то же время институциональные риски, связанные с Таджикистаном и Туркменистаном, проявляются как факторы дестабилизации, в том числе через миграционные и культурные каналы передачи неформальных практик. Наблюдаемая институциональная конкуренция усиливает значение демонстрационного эффекта, однако успешность заимствования внешних моделей зависит от способности их адаптации к локальным условиям.

Заключение

Анализ приоритетных направлений формирования и развития эволюционно-институционального климата в России и странах Центральной Азии в условиях глобализации показал ключевую роль взаимодействия формальных и неформальных институтов в обеспечении устойчивого экономического роста. Установлено, что устойчивость и эффективность экономических систем региона определяются не только качеством формальных правил — таких как защита прав собственности, уровень доверия к институтам и контроль коррупции — но и глубиной укоренённости неформальных практик, включая патронаж, клановые связи и ретрадиционализацию.

Сравнительный институциональный анализ выявил, что Казахстан и Узбекистан демонстрируют позитивную динамику в институциональной модернизации и защите прав собственности, тогда как Россия и ряд государств региона сталкиваются с институциональной стагнацией, высокой коррупцией и снижением доверия к государственным институтам. Выстроенная регрессионная модель подтвердила значимое влияние качества институтов на темпы роста ВВП: наибольший положительный эффект даёт усиление защиты прав собственности, тогда как коррупция оказывает наибольшее негативное воздействие.

В заключение следует подчеркнуть, что устойчивый экономический рост в регионе невозможен без согласованного развития как формальных, так и неформальных институтов. Последние нуждаются в институциональной трансформации, направленной на повышение прозрачности, легитимности и подотчётности. Комплексный институциональный подход, сочетающий эволюционное развитие формальных структур и рациональную интеграцию неформальных практик в правовое поле, является ключевым условием модернизации экономических систем России и стран Центральной Азии в условиях глобальной нестабильности и усиливающейся региональной конкуренции.

Литература

1. Алимов, Б.Х. Интеграционные объединения Центральной Азии как фактор стратегии развития стран региона / Б. Х. Алимов // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: Материалы VII Международной научно-практической конференции. В 7-ми томах, Макеевка, 18 апреля 2024 года. – Макеевка: Донбасская аграрная академия, 2024. – С. 5-7.
2. Болпонова, А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность / А. Болпонова // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18, № 3-4. – С. 57-72.
3. Галиев, А.А. Политика памяти в странах Центральной Азии и проблемы нациестроительства / А. А. Галиев // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. – 2018. – № 2(94). – С. 89-93.
4. Глазова, Е.С. Киргизия: институциональные изменения как выход из "ловушек развития" / Е. С. Глазова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 49-62.
5. Грозин, А.В. Стратегическое значение Центральной Азии с точки зрения актуальных международных отношений / А. В. Грозин // Центральная Евразия. – 2018. – № 1(1). – С. 130-147.
6. Есентугелов А. Устойчивый экономический рост и экономическая безопасность Казахстана: проблемы и перспективы // Национальные экономические интересы и отношения собственности в условиях глобализации / Под ред. А. Кошанова. – Алматы: ИЭ МОН РК, 2005. – С. 41–59.
7. Захаров, А.Н. Зависимость стран Центральной Азии от зарубежной помощи (на примере Кыргызстана и Таджикистана) / А. Н. Захаров, М. А. Рахимзода // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 8. – С. 96-104.
8. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 3. С. 16-32.
9. Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход при исследовании и измерениях неравновесных процессов эволюции социально-экономических систем / К.Х. Зоидов. – 3-е изд., исп. и доп. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2023. – 517 с.
10. Зоидов К.Х. Эволюционный подход и его значение для развития экономической системы в постсоветских странах // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 96-112.
11. Зоидов К.Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. – Москва: ИПР РАН, 2003.-159 с.
12. Маевский В. И., Кирдина-Чэндлер С. Г. (ред.) Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России. – СПб.: Алетейя, 2024. – 400 с.
13. Метаморфозы разделенных обществ / И. В. Кудряшова, О. Г. Харитонов, С. М. Хенкин [и др.]. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – 284 с.
14. Панеях, Э.Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. Закон применяемый / Э. Л. Панеях // Политическая наука. – 2003. – № 1. – С. 33-52.
15. Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений: коллективная монография / отв. ред. А.Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2021. – 232 с.

16. Хейфец, Б.А. Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // *Россия и современный мир*. – 2024. – № 1(122). – С. 7-24.
17. Экономика в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Central Asia Analytical Network. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/19297> (дата обращения: 24.06.2025).
18. Шкель А.А. Неформальные институты в политике Кыргызстана: институциональный анализ // *Власть*. – 2016. – № 10. – С. 129–133.
19. Collier, P. *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It*. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 224 p.
20. Didham, R, Nissen, K and Dobson, W (2014). *Linking censuses: New Zealand longitudinal census 1981–2006*. Available from www.stats.govt.nz. ISBN 978-0-478-42907-7 (online).
21. Goldstone J. A. *Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict* // *Journal of International Affairs*. – 2002. – Vol. 56, No. 1. – P. 3–21.
22. North, Douglass C. and Alt, John, *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance* (1990). University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1496212>.
23. The International Country Risk Guide (ICRG) <https://datafinder.qog.gu.se/dataset/icrg> <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/governance-capital>.

References

1. Alimov, B.H. Integration associations of Central Asia as a factor in the development strategy of the countries of the region / B. H. Alimov // *Priority vectors of development of industry and agriculture: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. In 7 volumes, Makeyevka, April 18, 2024. Makeyevka: Donbass Agrarian Academy, 2024. pp. 5-7.
2. Bolponova, A. Political clans of Kyrgyzstan: history and modernity / A. Bolponova // *Central Asia and the Caucasus*. 2015. Vol. 18, No. 3-4. pp. 57-72.
3. Galiev, A.A. The politics of memory in the countries of Central Asia and the problems of nation-building / A. A. Galiev // *Bulletin of the Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University*. – 2018. – № 2(94). – Pp. 89-93.
4. Glazova, E.S. Kirghizia: Institutional changes as a way out of the "traps of development" / E. S. Glazova // *South Russian Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 20, No. 4, pp. 49-62.
5. Grozin, A.V. The strategic importance of Central Asia from the point of view of current international relations / A.V. Grozin // *Central Eurasia*. – 2018. – № 1(1). – Pp. 130-147.
6. Esentugelov A. Sustainable economic growth and economic security of Kazakhstan: problems and prospects // *National economic interests and property relations in the context of globalization* / Ed. by A. Koshanov. Almaty: IE MES RK, 2005. pp. 41-59.
7. Zakharov, A.N. Dependence of Central Asian countries on foreign aid (on the example of Kyrgyzstan and Tajikistan) / A. N. Zakharov, M. A. Rahimzoda // *World Economy and international Relations*. – 2024. – Vol. 68, No. 8. – pp. 96-104.
8. Zoidov K.Kh. The evolutionary and institutional approach and methodology of anti-crisis measures in the transition economy // *Economics and mathematical methods*. 2004. Vol. 40. No. 3. pp. 16-32.
9. Zoidov K.Kh. An evolutionary-institutional approach to the study and measurement of non-equilibrium processes of the evolution of socio-economic systems / K.Kh. Zoidov. – 3rd edition, corrected and expanded / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2023. – 517 p.
10. Zoidov K.Kh. The evolutionary approach and its significance for the development of the economic system in post-Soviet countries // *Economics and mathematical methods*. 2009. Vol. 45. No. 2. pp. 96-112.
11. Zoidov K.Kh. *Economic evolution and evolutionary economics*. – Moscow: MTI RAS, 2003. – 159 p.

12. Mayevsky V. I., Kirdina-Chandler S. G. (ed.) Economic features of the formation of the new world order: challenges for Russia. St. Petersburg: Aletya Publ., 2024, 400 p.
13. Metamorphoses of divided societies / I. V. Kudryashova, O. G. Kharitonova, S. M. Khenkin [et al.]. – Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2020. – 284 p.
14. Paneyakh, E.L. Informal institutions and formal rules: the current law vs. The applicable law / E. L. Paneyakh // Political Science. 2003. No. 1. pp. 33-52.
15. Russia and the post-Soviet countries: issues of economic relations: a collective monograph / ed. by A.G. Pylin. Moscow: IE RAS, 2021. 232 p.
16. Kheifets, B.A. A new look at the strategy of economic integration of Russia with the countries of Central Asia in the modern geopolitical realities of the world economy / B. A. Kheifets, V. Y. Chernova // Russia and the modern world. – 2024. – № 1(122). – Pp. 7-24.
17. Economics in Central Asia [Electronic resource] // Central Asia Analytical Network. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/19297> (date of access: 06/24/2025).
18. Shkel A.A. Informal institutions in the politics of Kyrgyzstan: an institutional analysis // Power. - 2016. – No. 10. – pp. 129-133.
19. Collier, P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 224 p.
20. Didham, R, Nissen, K and Dobson, W (2014). Linking censuses: New Zealand longitudinal census 1981–2006. Available from www.stats.govt.nz. ISBN 978-0-478-42907-7 (online).
21. Goldstone J. A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. – 2002. – Vol. 56, No. 1. – P. 3–21.
22. North, Douglass C. and Alt, John, Institutions, Institutional Change, and Economic Performance (1990). University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1496212>.
23. The International Country Risk Guide (ICRG) <https://datafinder.qog.gu.se/dataset/icrg> <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/governance-capital>.

Об авторе

Бобоев Гуломжон Гапуржонович, кандидат экономических наук, соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН, Москва.

About author

Gulomjon G. Boboev, Candidate of Sci. (Econ.), doctoral candidate of the Market Economy Institute of RAS, Moscow.